

Научная статья
УДК 343.979:1920-1945''
DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_166

ХИЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В 1920–1940-е гг.

Евгений Андреевич Зверков¹, Александр Викторович Перепелицын²

Воронежский институт МВД России¹
Воронеж, Россия

Воронежский государственный педагогический университет²
Воронеж, Россия

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, ORCID ID: 0000-0002-1828-4457, тел.: (473) 264-88-72, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

²Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ORCID ID: 0000-0003-2050-4209, тел.: (473) 255-06-67, e-mail: avp64@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию объектов, субъектов и форм хищения государственного имущества на территории Центрального Черноземья. В работе выясняются причины, характер и объёмы совершённых хищений. Авторы исходят из необходимости рассмотрения хищений государственного имущества во взаимосвязи с другими экономическими преступлениями, а также определения реакции государства на совершённые преступления. При подготовке исследования были использованы архивные материалы, находящиеся на хранении в государственных архивах Воронежа, Липецка и Тамбова. Имущественные преступления, включая хищения государственного имущества, с усилением государственного контроля за экономической обрели свою специфику, связанную со значительным усилением роли государственных служащих в сфере распределения различных продуктов. Деструктивное влияние на организацию контроля за сохранностью государственного имущества и законностью его распределения оказала слабость правоохранительных органов, объективно не справлявшихся с большим объёмом работ. Объекты преступных посягательств зависели от особенностей экономической ситуации в регионе.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, хищение государственного имущества, экономические преступления, расхищение социалистической собственности, мошенничество.

Для цитирования: Зверков Е.А., Перепелицын А.В. Хищения государственного имущества в Центральном Черноземье в 1920–1940-е годы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 1. С. 166–173. DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_166.

Введение

Любое государство стремится уберечь принадлежащие ему ресурсы от незаконного использования и тем более отчуждения, используя для этого методы уголовно-правовой защиты, создавая специализированные службы по борьбе с экономическими преступлениями и поощряя криминологические исследования, цель которых – понять причины и способы совершения преступлений с целью ликвидации условий их осуществления. Для советского государства довоенного и особенного военного времени проблема сбережения ресурсов имела особую остроту. И социальный состав, и мотивы совершения преступлений подобного рода отличались высокой вариативностью,

поэтому выработать единую, эффективную стратегию противодействия подобным преступлениям было чрезвычайно сложно. Тем не менее постепенно оформились правовые основания для преследования нарушителей, сформировались кадры милицейских работников, способных выявлять и расследовать хищения государственной собственности различного уровня сложности.

Под хищением советское уголовное законодательство понимало как кражи (например, грузов на железных дорогах), так и мошенничество и растраты [1, с. 6]. Законодатель оперативно реагировал на изменявшуюся обстановку, вводя соответствующие составы преступлений в уголовное законодательство

страны. Отдельные вопросы экономической преступности, в том числе через историко-правовые аспекты, раскрыты в трудах В.Г. Тимофеева и В.А. Трофимова [2], К.М. Абидулина [3], О.А. Солиной [4], А.В. Гаева [5]. Данная статья посвящена рассмотрению основных тенденций эволюции преступлений против имущества в Центральном Черноземье в 1920–1940-е гг.

Результаты

Депрессивное состояние государственного аппарата в начале 1920-х гг. открыло множество возможностей для кражи государственной собственности вследствие плохо поставленной охраны. Особенно живо это отразилось на железных дорогах. Кражи осуществлялись, преимущественно, в пути следования или при перегрузке. Для нейтрализации немногочисленной, готовой в любой момент сдать охрану использовалось оружие. Основную часть похищенного составляли продовольственные товары. Согласно полученным чекистами сведениям, большинство расхитителей составляли сами железнодорожные служащие с молчаливого согласия сторожей и агентов охраны. В кражах были замешаны и сопровождающие грузы красноармейцы [6, л. 77 об.]. Свыше трети похищенного падало на топливо (курной уголь, дрова, антрацит). Хищения носили организованный и систематичный характер, осуществлялись группами, большая часть хищений оставалась нераскрытой. Низкая заработная плата выступала в качестве стимула для совершения краж даже агентами охраны. Массовое хищение дров железнодорожными служащими фиксировалось органами ОГПУ вдоль всей линии ЮВЖД, так как служащие, по словам чекистов, «совершенно не снабжаются топливом» [7, л. 53 об.]. Проблему не могли решить даже расстрелы за хищение грузов.

Схожая ситуация сложилась в системе учёта и распределения. В 1920 г. Тамбовский уголовный розыск выявил массовые злоупотребления в Тамбовском едином потребобществе при выдаче продовольственных карточек. Фигурантами по делу выступили 25 человек. В свою очередь, некоторые работники типографий, связавшись с завмагами, активно снабжали их фальшивыми чеками. Завмаги, войдя вговор с Контрольным отделом, представляли ведомость с погашенными чеками после выдачи по ним продуктов населению, снова пускали их в ход [8, л. 387-388].

В 1921 г. Декретом ВЦИК и СНК «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» для лиц, работавших в органах снабжения и распределения, иных ответственных лиц, работающих на складах и в органах снабжения, и уличённых в злоупотреблении служебными полномочиями, устанавливалось наказание вплоть до высшей меры [9, с. 504]. В реальности высшая планка санкции Декрета применения не нашла.

Кражи государственного имущества стали предметом обсуждения на губернских совещаниях при губернских прокурорах. К примеру, совещание в Тамбове 30 октября 1925 г. отметило мелкие хищения на железных дорогах красок, гвоздей, шпал, рельсовых подкладок (применялись для борон).

75 % краж осуществлялись самими железнодорожниками для домашнего хозяйства. Угрозы безопасному движению создавались кражами спеццитов, использовавшихся крестьянами для хозяйственных нужд. Зная об этом, стали воровать дорожные мастера, обвиняя в недочётах крестьян. Аналогичные проблемы существовали в Воронежской губернии, например, в Новохопёрском уезде [10, л. 4-4 об.; 11, л. 7]. Кражи железнодорожного имущества эпизодически появлялись в информационных сводках на протяжении 1918–1942 гг. и снизить их до минимальных значений удалось только чрезвычайными мерами вскоре после начала Великой Отечественной войны.

Хищения на железных дорогах производились самими служащими дороги или непосредственно, или через посторонних лиц. Многие из причастных к хищениям имели несколько судимостей за систематические хищения на железной дороге. Несмотря на это, им удавалось восстанавливаться на службе. В Тамбовском уезде в 1925 г. неоднократно фиксировались факты приёма на службу ранее судимых за кражу железнодорожного имущества. Причина проблемы виделась в самой организации борьбы с железнодорожными хищениями, связанной с затянутостью сроков рассмотрения дел, слабым взаимодействием милиции и дорожно-транспортных отделов ОГПУ [10, л. 5]. В дальнейшем совещание при губпрокуратуре рекомендовало милиционерам приходить на собрания граждан и разъяснять вред, причиняемый государству от оттягивания проводов, хищения железнодорожного имущества, обратив внимание на уголовную ответственность [10, л. 16].

Усиление государственного начала в торговле создало условия для злоупотребления положением со стороны ответственных работников, имевших доступ к тем или иным продуктам. К примеру, практиковалась продажа товаров дорожке их стоимости. Органы ГПУ–ОГПУ–НКВД вели напряжённую борьбу с расхитителями народной собственности, вынуждая преступников идти на чрезвычайные меры сокрытия следов растрат. Так, в 1927 г. в селе Большая Приваловка Усманской волости заведующий винной лавкой Глебов совершил самострел в плечо из нагана, пытаясь симулировать грабёж и скрыть растрату [12, л. 2 об.]. Спустя два года Артёмов, заведующий магазином в Графском, организовал ограбление магазина с целью сокрытия растраты. Несмотря на это, а также крупную растрату (более 4 000 рублей), суд ограничился лишением Артёмова свободы на 2 года [13]. В 1926 г. в Воронежском уезде председатель Бояковского сельсовета Солнцев убил жену с целью симуляции ограбления для сокрытия растраты [14, л. 29 об.].

На завершающем этапе НЭПа правоохранительными органами были выявлены многочисленные факты крупных растрат. К примеру, за ноябрь–январь 1928–1929 гг. по союзу пицеевиков ЦЧО обнаружилось пять растрат на сумму 2800 рублей, из них 1600 рублей в Россошанском окружном комитете [15]. Внеплановые проверки группы работников Областной рабоче-крестьянской инспекции выявили ущерб от незаконной деятельности на 300 000 руб-

лей! На один только Госторг пришлось более 31 тысячи растроченных рублей [16]. Всего за 1927–1928 гг. выявлено растрат на 583400 рублей. В Козловском округе были выявлены растраты на 112700 рублей (0,57 % оборота). Львиная доля растрат осуществлялась в сельских потребкооперативах. В среднем каждый растратчик ежегодно приносил государству ущерб в 426 рублей.

На руку растратчикам-рецидивистам играла неповоротливая судебная система с её волокитой, многомесячными рассмотрениями дел, мягкими наказаниями. К примеру, в марте 1929 г. журналисты «Коммуны» сообщили о приказчике потребительского общества станции Становой, обвинённом в растрате 1200 рублей, который так долго ждал суда, что успел устроиться на работу в административный отдел [17]. Кражам подвергалось имущество предприятий, шли на продажу медикаменты, запрещённые к продаже частным лицам [18]. Кладовщик Елецкого кожзавода Грошев за счёт махинаций с накладными получал излишки дубовой коры, которые оформлял затем на заводе в качестве своей продукции. Ущерб государству за 1928 г. составил, по версии следствия, 57665 рублей. Заведующий магазина № 6, счетовод облторга и экспедитор сбывали дефицитные товары (например, кровельное железо), уничтожая фактуры на полученные из базы товары. Товары сбывались за счёт излишков из базисного магазина, образовавшихся за счёт самовольного повышения стоимости цен. Сумма убытка составила 500 000 рублей [19, л. 20].

Разноплановый характер носили финансовые махинации сельских партийно-советских работников. К примеру, при составлении ликвидационных актов на павший скот завышалось количество погибшего скота, представлялись фиктивные акты в Губстрах с целью получения страховых выплат [20, с. 82]. В сложившихся условиях принятие Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» было своевременной мерой: в Центрально-Чернозёмной области в сентябре 1932 г. было зафиксировано 469 случаев хищений в совхозах и колхозах [21, с. 28]. За первый квартал 1933 г. на ЮВЖД было совершено 498 краж на общую сумму 73 тысячи рублей. Большинство краж пришлось на продукты питания и совершено работниками дороги.

По мере давления из Москвы, судьи, как следует из информационных сводок, составлявшихся прокуратурой, стали применять к расхитителям более суровые меры наказания. К примеру, в Курском районе весовщик и лесник, укравшие 5 мешков хлеба, были приговорены к 10 годам лишения свободы [22, л. 71]. Той же мере наказания были подвергнуты экономист райколхозсоюза, председатель, бригадир и счетовод в колхозе «Красная заря» Золотухинского района, признанные виновными в крупных хищениях хлеба [23, л. 57]. Усиление карательной политики было неизбежно в свете опубликованного в январе 1933 г. доклада И.В. Сталина «Об итогах первой пятилетки», в котором отмечалось, что «допускать воровство и хищение общественной собственности

<...> значит содействовать подрыву советского строя» [24, с. 508]. Монопольное положение крупных промышленных и сельскохозяйственных чиновников позволяло им проводить нехитрые схемы по выводу и продаже неучтённой продукции. В 1929 г. объёмы растрат в Воронежском окружном торговом отделе составляли сотни тонн зерна – и это только то, что удалось выявить. В одном только Орловском сельскредсоюзе выявлена растрата 170 тонн хлеба. Передача дел в прокуратуру не давала гарантии попадания растратчиков под суд – в ряде округов дело окончилось формальными отписками [25].

На протяжении 1920–1930-х гг. преступники, работавшие в экономической сфере, использовали следующие способы получения незаконных заработков: установление «двойных цен» в магазинах, обсчёт покупателей (присваивались либо деньги, либо товар, эквивалентный сумме обсчёта, с целью последующего сбыта), обвес, фальсификация количества произведённого товара в сторону уменьшения (особенно часто к этому способу прибегали заведующие пекарнями), прямые кражи товаров или денег в расчёте на то, что пропажа не будет обнаружена. В свою очередь, профессиональные мошенники время от времени пытались получать деньги в государственных кассах на фальшивые чеки, выдавая себя за должностных лиц. В Белгороде в 1933 г. группа из 10 работников железной дороги (экспедитор, приёмщик, весовщик, сторож, грузчики) недогружали товары, похищая излишки [26, л. 150].

Индивидуальное мошенничество строилось на подделке или краже документов государственных организаций. К примеру, в Курске 18 апреля 1933 г. неизвестный мужчина 22–23 лет, пользуясь выходным днём, проник в здание горкома партии, выдав себя за комсомольца, хорошо знакомого с секретарём горкома. Ему удалось убедить машинистку в своём близком знакомстве с секретарём, а затем, воспользовавшись невнимательностью машинистки, имитировал разговор с партийным работником по телефону, взломал его стол, похитив печать и несколько чистых бланков [26, л. 49].

В МТС эпизодически расхищались запчасти к тракторам (в 1933 г. группа трактористов за кражу деталей была осуждена на срок от полутора до десяти лет лишения свободы [27, л. 123]). Несколько работников Череповецкой МТС расхищали нефтепродукты, используя подложные документы [28, л. 31]. Известны факты грабежей государственного имущества бандитами. Например, в 1933 г. группа из 16 вооружённых рецидивистов вскрывала и грабила вагоны на перегонах Таловая–Абрамовка и Бобров–Бутурлиновка. Нападения сопровождалась убийствами [23, л. 28].

Минимизация краж государственного имущества служащими государственного аппарата в значительной мере тормозилась закрытостью системы и её сравнительной недосыгаемостью для правоохранительных органов, возможностью «замять дело», что уже находило отражение в научной литературе [29, с. 56].

В первой половине 1930-х гг. известны кражи на мельницах и ссыпных пунктах путём приёма хлеба без квитанции, расхищения продуктов в ресторанах,

кражи денег из колхозных и совхозных касс. Воры вовсе не были люмпенами – среди растратчиков нередко встречались члены партии и комсомола. В 1934 г. экспедиторы хлебзавода № 3 в Воронеже придумали оригинальный метод кражи: они заказали слесарю-кустарю переделку гирь сотенных весов (1 единица фактического веса гири даёт на весах стократное увеличение) путём высверливания в гире отверстия и заливки его свинцом для увеличения веса гири. Таким образом увеличивалось количество хлеба, попадающего в экспедицию, против веса, показанного в документах. Гиря покрывалась толстым слоем смолы и поверх закрашивалась краской под цвет металла. Из хлебзавода ежедневно вывозилось до 800 кг хлеба сверх количества, указанного в документах [30, л. 236].

Разнообразие схем краж государственного имущества потребовало создания в структуре милиции специализированных аппаратов в системе уголовного розыска, основной задачей которых выступила бы защита основ экономического строя. 16 марта 1937 г. приказом НКВД в структуре ГУРКМ НКВД СССР был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией [31, с. 220]. Дополнительно вводились меры ужесточения уголовной ответственности: например, 14 августа 1934 г. уголовный кодекс был дополнен статьёй об ответственности за обворовывание потребителя [32, с. 625].

Поражения в летне-осенней кампании 1941 г. способствовали количественному росту экономических преступлений. Служащие сферы торговли расхищали сахар, хлеб, муку. Воровали и работники, и руководство. Завмаги насытили чёрный рынок ставшими дефицитными продовольственными товарами. Особую остроту приобрели хищения хлеба. Острота хлебного вопроса усилилась к середине ноября 1941 г. К тому времени были потеряны хлеботорговые территории Украины, противник вторгся в Центральное Черноземье. Были нарушены привычные торговые связи. Вынос хлеба, булок, сахара, муки работниками пекарен до вмешательства милиции носил массовый характер. Украденное сбывалось на рынках. Даже тот хлеб, что всё-таки отправлялся в магазины, доходил до покупателей только частично – заведующие магазинами выводили продукты на чёрный рынок. Значительные по масштабам хищения продуктов осуществлялись работниками, имевшими к ним доступ – заведующими базами, складами. Милицией были вскрыты многочисленные нарушения. С 4 по 10 ноября в ходе двух рейдов были задержаны 11 работников пекарни «Красный хлебопек», в том числе бригадир Калинина, выносившие через проходную хлеб. Председатель артели Н.С. Мослаков не только не стал оправдываться, но заявил, что если рабочим запретить брать хлеб и булки, то они не станут работать на пекарне. Всего в ходе нескольких рейдов милиционеры задержали 52 человека.

Перед новогодними праздниками милиция задержала на рынках ещё 11 человек. Всех привлекли к уголовной ответственности по ст. 105 (нарушение правил торговли) и 107 (спекуляция) УК РСФСР [33,

л. 65, 66]. 21 ноября председатель облпищепромсоюза направил секретарю Воронежского обкома партии Никитину объяснительную записку, в которой уверял, что со всеми рабочими проведены разъяснительные беседы, выпущены специальные стенгазеты, отстранены от работы несколько охранников, а ряд работников охраны уволены [33, л. 68]. В свою очередь, управляющий Воронежским трестом «Росглавхлеб» Бугузов обвинил в неэффективности милицию и суд.

В 1941 г. распространилось изъятие денег из Госбанка и сберкасс руководящими работниками государственных и кооперативных организаций под видом зарплат, несдача выручки в Госбанк, ослабление надзорными органами контроля за финансовой деятельностью учреждений вследствие превалирования эвакуационных настроений [33, л. 80, 81]. Отдел БХСС Управления милиции поставил под особый контроль деятельность финансовых учреждений города. В ноябре, когда фронт вплотную приблизился к Воронежской области, в некоторых районах области начали готовить к уничтожению объекты народного хозяйства. В это время органами милиции и прокуратуры были вскрыты многочисленные факты кражи колхозного имущества. Например, председатель колхоза им. Фрунзе Покровского сельсовета Коротоякского района Липовцев, пользуясь эвакуацией колхозного скота, похитил 100 кг мёда, 200 рублей, 10 овец, двух лошадей, упряжь, повозку. Колхозники, приняв поведение председателя как сигнал к действию, разворовали колхозный хлеб, скот, фураж [33, л. 35]. Прокурор Воронежской области Р.Д. Ендовицкий отметил «эвакуационно-панические настроения» многих районов, за которыми следовало «массовое растаскивание соцсобственности» [34, л. 8]. Панические настроения повторились в 1942 г., когда ряд руководителей предприятий побросали свои учреждения и занялись эвакуацией семей и личного имущества, используя предназначенный для эвакуации транспорт [См., например: 35, л. 86 об.].

Соблазны нажиться на эвакуации становились непреодолимыми для многих руководящих работников районного уровня. В Вейделевском районе секретарь райкома партии, председатель райисполкома и прокурор брали бесплатно дефицитные продукты. Директор Маслопрома Глаценко и бухгалтер Куликов похитили 100 000 руб. государственных денег. Крупные хищения были выявлены в райпотребсоюзе. В колхозах воровство ширилось на всех уровнях [34, л. 9]. Руководство области высказывало претензии к качеству работы прокуратуры. В феврале 1942 г. прокурор Воронежской области Р.Д. Ендовицкий, указывая на состояние борьбы с экономическими преступлениями, был вынужден признать, что «семейственность, совместные пьянки приводят к тому, что наши райпрокуроры забывают свою роль в борьбе с преступностью и вместо своевременного вскрытия жуликов и привлечения их к ответственности, становятся на путь замазывания этих преступлений» [34, л. 11]. Конечно, так было не везде. Похвалы областного прокурора удостоились, например, прокурор Щученского района Белоусов, отме-

чена работа по пресечению хищения государственности и поимке дезертиров прокуроров Россошанского и Липецкого районов [34, л. 81].

Секретно-политический отдел УНКВД Воронежской области 31 октября 1941 г. сообщал, что с приближением фронта возросла напряжённость в общественно-политической сфере. Вернулись нападения на руководство колхозов, поджоги. В ряде колхозов были зафиксированы случаи массового невыхода на работу, самовольного захвата скота, убийств при пресечении краж скота из эвакуируемых стад. К 1942 г. ситуацию удалось выправить – сообщения о кражах социалистической собственности в колхозах стали носить единичный характер.

Неизбежное ослабление контроля за деятельностью государственно-хозяйственных учреждений в период эвакуации открывало возможности для краж государственного имущества, в том числе руководящими работниками. В ответ суды стали приговаривать к расстрелам. Известны факты хищений продуктов военнослужащими проходивших частей путём сговора со складскими работниками с целью последующего сбыта и наживы [36, л. 39], кражи организованными группами железнодорожников. В военные годы УНКВД были установлены факты хищения продуктов, выделенных для обеспечения партизанских отрядов. Например, в Бутурлиновском районе было выявлено крупное хищение спецфонда, предназначенного для хранения в тайнике. В похищении продуктов и их перепродаже обвинили назначенного командира партизанского отряда. При этом местный райком партии встал на защиту расхитителя, несмотря на признание подозреваемым своей вины, и требовал ограничиться выговором [37, л. 402-403]. Значительные масштабы составили хищения при получении товаров из закрытых фондов. Расчёт в ходе осуществления кражи был на то, что она не будет выявлена.

Значительные масштабы на протяжении войны получили хищения продуктов по райпотребсоюзам, осуществлявшиеся в том числе в виде махинаций с хлебными карточками. В качестве контрмеры проводились проверки на предмет снабжения хлебом рабочих, служащих, их иждивенцев, эвакуированных. В Воронежской области за 1 квартал 1943 г. проверки представляемых райисполкомами, райторготделами в облторг сведений показали многочисленные приписки за счёт эвакуируемых. Наиболее неблагополучными признаны Усманский, Абрамовский, Рождественско-Хавский, Верхне-Хавский, Новохопёрский районы. Работники ОБХСС УМ УНКВД по Воронежской области были командированы в ряд районов области, где провели массовую проверку работы

карточных учреждений и уличных комитетов в части состояния отчётности, контроля правильности выдачи и использования карточек населением. По Новохопёрску были созданы 60 комиссий с привлечением работников райкома. По итогам проверок привлечены к уголовной ответственности 57 человек по 35 делам. Выявлены тысячи незаконно полученных карточек, по которым выдано более 42 тонн хлеба. Лазейку для аферистов оставляли сами райторготделы, формально заверяющие списки, не проверяя реального положения дел [38, л. 17-18]. По Воронежу за апрель 1943 г. милицией привлечено к уголовной ответственности за незаконное пользование 230 хлебными карточками 11 человек [38, л. 26]. Крупные хищения хлеба по фиктивным квитанциям были выявлены Воронежской облпрокуратурой осенью 1943 г. [39, л. 165]. В Новохопёрске была вскрыта группа спекулянтов-мошенников в составе 4 человек. Им инкриминировалась подделка требований хлеба от воинских частей на бланках эвакогоспиталя. Хлеб получали в Новохопёрске, Борисоглебске, Поворино, Балашове, других местах. Полученное продавали на рынках. В числе похищенного оказалось около 300 кг растительного масла, 340 хлебных карточек, 150 кг муки, другие продукты [40, л. 20]. В 1943–1944 гг. участились кражи на железнодорожной линии [41, л. 8]. Похищались продукты, ширпотреб, соль, спирт. В воровстве были замечены и сами железнодорожники, и работники военизированной охраны.

Выводы

Таким образом, значительной проблемой общественного развития в 1920–1940-е гг. являлись хищения государственной и колхозной собственности. Судя по имеющимся данным, в периоды экономической нестабильности преобладали кражи продовольствия и иных продуктов, принадлежавших государству, а во время улучшения продовольственного и общеэкономического положения происходило увеличение доли экономических преступлений, связанных с незаконным обогащением посредством получения денежных средств. Несмотря на зримое ухудшение положения, связанного с неразберихой первоначального этапа войны, правоохранительным органам и органам управления удалось удержать ситуацию под контролем и минимизировать наносимый преступниками ущерб государственной собственности.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Исаев М.М. Преступления против социалистической и личной собственности. М., 1945. 39 с.
2. Тимофеев В.Г., Трофимов В.А. Роль органов милиции Чувашии в борьбе с экономическими преступлениями в 30-е годы XX века (историко-правовой аспект) // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 192–197.
3. Абидулин К.М. Правоохранительные органы Саратовской области в борьбе с экономическими преступлениями в годы Великой Отечественной войны // Наука и общество. 2014. № 1 (16). С. 93–99.
4. Солина О.А. Развитие ответственности за хищения государственной собственности после 1917 года // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 262–267.

5. Гаев А.В. Развитие законодательства об ответственности за присвоение и растрату в советском уголовном праве // Учёные труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 4 (19). С. 101–108.
6. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 469.
7. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 468.
8. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 570.
9. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г. М., 1943. 1207 с.
10. ГАТО. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 378.
11. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 35.
12. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1957.
13. Гашимбаев. Ловкачи из Графского ТПО // Коммуна. 1929. № 167 (2906). 25 июля.
14. ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 453.
15. Растрата в окротделе пицевиков // Коммуна. 1929. № 29 (2768). 6 февраля.
16. 300 000 рублей недостач, растрат и задолженности // Коммуна. 1929. № 29 (2768). 6 февраля.
17. Волна кооперативных растрат // Коммуна. 1929. № 53 (2792). 6 марта.
18. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1031.
19. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 510.
20. Сборник важнейших постановлений сессий, пленумов и президиума Воронежского губернского исполнительного комитета XII созыва. Воронеж, 1925. 117 с.
21. Гудкова А.В. Деятельность органов ОГПУ-НКВД СССР по противодействию хищениями и спекуляции хлебом в первой половине 1930-х гг. // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 22–33.
22. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1962.
23. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2453.
24. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1935. 652 с.
25. Растратчики хлеба идут под суд // Коммуна. 1929. № 62 (2801). 17 марта.
26. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2460.
27. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2455.
28. ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2462.
29. Рылов В.Ю. За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939–1941). Воронеж, 2018. 350 с.
30. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 95.
31. Постников С.А. Специализированная служба по борьбе с экономическими преступлениями в системе НКВД СССР : создание, нормативная основа, особенности организации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 216–221.
32. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1934 г. М., 1948. 981 с.
33. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3656.
34. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3662.
35. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4049.
36. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4054.
37. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4585.
38. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4584.
39. ГАВО. Ф. Р-2700. Оп. 1. Д. 25.
40. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4586.
41. ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6769.

References

1. Isaev, M.M. (1945) *Prestupleniya protiv socialisticheskoi i lichnoi sobstvennosti* [Crimes against socialist and personal property]. Moscow. 39 p. (In Russian)
2. Timofeev, V.G., Trofimov, V.A. (2006) Rol' organov milicii Chuvashii v bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami v 30-e gody XX veka (istoriko-pravovoi aspekt) [The role of the police of Chuvashia in the fight against economic crimes in the 30s of the twentieth century (historical and legal aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. (6), 192–197. (In Russian)
3. Abidulin, K.M. (2014) Pravoohranitel'nye organy Saratovskoi oblasti v bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Law enforcement agencies of the Saratov region in the fight against economic crimes during the Great Patriotic War]. *Nauka i obshchestvo*. 1 (16), 93–99. (In Russian)
4. Solina, O.A. (2016) Razvitie otvetstvennosti za hishcheniya gosudarstvennoi sobstvennosti posle 1917 goda [The development of responsibility for theft of State property after 1917]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 4 (36), 262–267. (In Russian)
5. Gaev, A.V. (2010) Razvitie zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prisvoenie i rastratu v sovetskom ugolovnom prave [Development of legislation on liability for embezzlement and embezzlement in Soviet criminal law]. *Uchyonye trudy Rossiiskoi Akademii advokatury i notariata*. 4 (19), 101–108. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti* (dalee – GAOPI VO) [State archive of socio-political history of the Voronezh region]. F. 1. Op. 1. D. 469.

7. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 468.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti* (dalee – GATO) [The State Archive of the Tambov region]. F. R-394. Op. 1. D. 570.
9. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Pravitel'stva za 1921 g.* (1943) [Collection of laws and Government orders for 1921]. Moscow. 1207 p. (In Russian)
10. GATO. F. R-395. Op. 1. D. 378.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* (dalee – GAVO) [State archive of the Voronezh region]. F. R-5. Op. 1. D. 35.
12. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 1957.
13. Gashimbaev (1929). Lovkachi iz Grafskogo TPO [Dodgers from the County Transport and Consumer Society]. *Kommuna*. 167 (2906). 25 iyulya. (In Russian)
14. GAVO. F. R-5. Op. 2. D. 453.
15. Rastrata v okrotdele pishchevikov (1929) [Embezzlement in the district food department]. *Kommuna*. 29 (2768). 6 fev. (In Russian)
16. 300 000 rublei nedostach, rastrat i zadolzhennosti (1929) [300,000 rubles of shortfalls, embezzlement and arrears]. *Kommuna*. 29 (2768). 6 fev. (In Russian)
17. Volna kooperativnyh rastrat (1929) [A wave of cooperative embezzlement]. *Kommuna*. 53 (2792). 6 mar. (In Russian)
18. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 1031.
19. GAOPI VO. F. 2. Op. 1. D. 510.
20. *Sbornik vazhneishikh postanovlenii sessii, plenumov i prezidiuma Voronezhskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta XII sozyva* (1925) [Collection of the most important resolutions of the sessions, plenums and Presidium of the Voronezh Provincial Executive Committee of the XII convocation]. Voronezh, 117 p. (In Russian)
21. Gudkova, A.V. (2019) Deyatel'nost' organov OGPU-NKVD SSSR po protivodeistviyu khishcheniyami i spekulyatsii khlebom v pervoi polovine 1930-kh gg. [The activities of the OGPU-NKVD bodies of the USSR to counter theft and speculation in bread in the first half of the 1930s.]. *Voprosy istorii*. (6), 22–33. (In Russian)
22. GAOPI VO. F. 2. Op. 1. D. 1962.
23. GAOPI VO. F. 2. Op. 1. D. 2453.
24. Stalin, I.V. (1935) *Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. Moscow. 652 p. (In Russian)
25. Rastratchiki khleba idut pod sud (1929) [Bread embezzlers go on trial]. *Kommuna*. 62 (2801). 17 mar. (In Russian)
26. GAOPI VO. F. 2. Op. 1. D. 2460.
27. GAOPI VO. F. 2. Op. 1. D. 2455.
28. GAOPI VO. F. 2. Op. 1. D. 2462.
29. Rylov, V.Yu. (2018) *Za i protiv. Vlast' i obshchestvo v Voronezhskoi oblasti v nachale Vtoroi mirovoi voyny (1939–1941)* [Pros and cons. Government and society in the Voronezh Region at the beginning of World War II (1939–1941)]. Voronezh, 350 p. (In Russian)
30. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 95.
31. Postnikov, S.A. (2014) *Spetsializirovannaya sluzhba po bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami v sisteme NKVD SSSR : sozдание, normativnaya osnova, osobennosti organizatsii* [Specialized Service for Combating Economic Crimes in the NKVD system of the USSR: creation, regulatory framework, organization features]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 1 (25), 216–221. (In Russian)
32. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik za 1934 g.* (1948) [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics for 1934]. Moscow. 981 p. (In Russian)
33. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 3656.
34. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 3662.
35. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4049.
36. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4054.
37. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4585.
38. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4584.
39. GAVO. F. R-2700. Op. 1. D. 25.
40. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 4586.
41. GAOPI VO. F. 3. Op. 1. D. 6769.

Поступила в редакцию 30.01.2024

Подписана в печать 28.03.2024

Original article

UDC343.979:”1920-1945”

DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_166

**THEFT OF STATE PROPERTY IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION
IN THE 1920-1940s.**

Evgeny A. Zverkov¹, Alexander V. Perepelitsyn²

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*¹
Voronezh, Russia
*Voronezh State Pedagogical University*²
Voronezh, Russia

---

¹*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Social, Humanitarian, Law and Economical Disciplines,
Philosophy, Sociology and History, ORCID ID: 0000-0002-1828-4457, tel.: (473) 264-88-72,
e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru*

²*Dr. Histor. Sci., Professor of the Department of Russian History,
ORCID ID: 0000-0003-2050-4209, tel.: (473) 255-06-67, e-mail: avp64@mail.ru*

Abstract. The work is devoted to the study of objects, subjects and forms of theft of state property in the Central Black Earth Region. The work reflects the nature and volume of the committed thefts, an attempt is made to find out the reasons for their implementation. The authors proceed from the need to consider the theft of state property in connection with other economic crimes, as well as the reaction of the state to the crimes committed. Archival materials stored in the state archives of Voronezh, Lipetsk and Tambov were used in the preparation of the study. Property crimes, including theft of state property, with the strengthening of state control over the economy, have acquired their own specifics associated with a significant increase in the role of civil servants in the distribution of various products. The weakness of law enforcement agencies, which objectively could not cope with a large amount of work, had a destructive effect on the organization of the process of monitoring the safety of state property and the legality of its distribution. The objects of criminal encroachments depended on the specifics of the economic situation in the region.

Key words: Central Black Earth Region, theft of state property, economic crimes, theft of socialist property, fraud.

Cite as: Zverkov, E.A., Perepelitsyn, A.V. (2024) Theft of state property in the Central Black Earth region in the 1920–1940s. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 166–173. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_166.

Received 30.01.2024

Accepted 28.03.2024